

Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ РОДСТВА АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. В связи с выходом в свет сборника «Проблема общности алтайских языков» (Л., 1974) на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1972, 3) напечатана дискуссионная статья Г. Дёрфера «Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?», большая часть которой представляет критику моей статьи в этом сборнике — «Алтаистика с точки зрения индоевропеиста». Продолжение дискуссии по вопросу алтаистики свидетельствует прежде всего об актуальности этого отдела сравнительно-исторического языкознания. Поэтому целесообразно вновь обратиться к ряду вопросов, обсуждавшихся в статье Г. Дёрфера, в его предшествующих публикациях, в ходе всей дискуссии.

Рассматриваются следующие три проблемы:

а) Существуют ли фонетические (гезр. фонологические) критерии для различения звуковых законов, связывающих родственные (генетически) языки, и звуковых законов, связывающих заимствованный слой лексики в том или ином языке с соответствующим материалом в языке — источнике заимствований?

б) Действительно ли метеорологическая лексика в отдельных ветвях алтайской семьи языков в своем различии принципиально несравнима с подобными же фактами в индоевропейских языках?

в) Можно ли опираться на отношения между таджикским и узбекским языками как на своего рода эталон при различении генетического и ареального родства, языковой семьи и языкового союза?

Прежде чем перейти к этим вопросам, хотелось бы поблагодарить Г. Дёрфера за уточнение некоторых из предложенных мной этимологий и с удовлетворением отметить, что выдвинутая в моей статье реконструкция праалтайских слоговых акцентов/тонов находит подтверждение в приводимых Дёрфером халаджских данных. Но с доводами, которые приводятся против генетического истолкования родства алтайских языков, согласиться нельзя, несмотря на обещания дать новую сравнительную фонетику с негативными выводами, несмотря на попытку поставить под сомнение значение системы звуковых законов, прочно связывающих алтайские языки, а также несмотря на поиски крайне сомнительного «третьего» — негенетического и нетипологического — пути объяснения.

2. Отрицать алтайскую теорию¹ значит отказываться от реальной и убедительной возможности проникновения в предысторию тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков. Достоверность и очевидность теории генетического родства алтайских языков следует прежде всего из того, что каждый подтверждающий ее звуковой закон выводится из доста-

¹ Совершенно неубедительны возражения против алтайской теории, основанные на глоттохронологических вычислениях (Д ж. К л о у с о н, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5). На несостоятельность этой методики применительно к алтайским языкам указывает и Л. Лигети («Алтайская теория и лексикостатистика», ВЯ, 1971, 3). В нашей статье путем *reductio ad absurdum* продемонстрировано, к чему могут привести глоттохронологические подсчеты.

точного ² числа тунгусо-маньчжурско-монгольско-тюркских соответствий. Среди выдвигаемых Дёрфером возражений важно замечание о том, что звуковые законы связывают между собой не только генетически родственные языки, но и заимствованные пласты лексики с источником заимствования в неродственных языках. Разрабатываемая на основании этого предположения гипотеза о том, что общее в алтайских языках — результат заимствования, ставит перед сравнительно-историческим языкознанием проблему: как можно определить, связывают ли данные звуковые законы генетически родственные языки между собой или же заимствованный слой лексики с его источником в неродственных языках? Существуют ли лингвистические критерии, которые позволили бы устанавливать значения звуковых законов, т. е. природу отношений между языками, определяющую их существование?

Прежде всего, плодотворно разрабатываемый в течение более полутора десятилетия сравнительно-исторический метод ³ позволяет сформулировать положение о том, что звуковые соответствия между родственными языками должны иметь закономерный характер, их фонетические системы должны быть изоморфны, отличаться измеримым в дифференциальных элементах «расстоянием» не столько между отдельными фонемами, сколько между рядами фонем.

Понятие генетического родства предполагает, что сравниваемые языки являются результатами изменения одного и того же языка-источника, «праязыка»; фонологические системы сравниваемых языков представляют, следовательно, результаты закономерного изменения одной и той же исходной фонологической системы и должны обнаруживать сходство в строе. Древнегреческий и древнеиндийский бесспорно родственны генетически — на это указывает соответствие систем согласных:

$$\left. \begin{array}{ccc} \text{п} & \text{β} & \text{φ} \\ \text{т} & \text{δ} & \text{ϕ} \\ \text{κ} & \text{γ} & \text{χ} \end{array} \right\} \sim \left\{ \begin{array}{ccc} p & ph & b \quad bh \\ t & th & d \quad dh \\ k & kh & g \quad gh \end{array} \right.$$

Существовавшее в общеиндоевропейском противопоставлении количественно или интенсивности градуального характера между сегментными единицами — (глухими) согласными, согласными со звонкостью и согласными со звонкостью и придыхательностью — развилось из более простого противопоставления согласных первого и третьего ряда ⁴ (т. е. звонких придыхательных и глухих непридыхательных), по-видимому, в результате трансформации суперсегментных единиц, в процессе перехода дифференциального признака интенсивности с суперсегментного на сегментный уровень. Дальнейшее развитие вело к формированию более простых, однопризнаковых противопоставлений с маркированным, доминантным глухим непридыхательным: глухая, звонкая и глухая придыхательная в греческом и возникновение четвертого ряда — глухих придыхательных — в индоиранском.

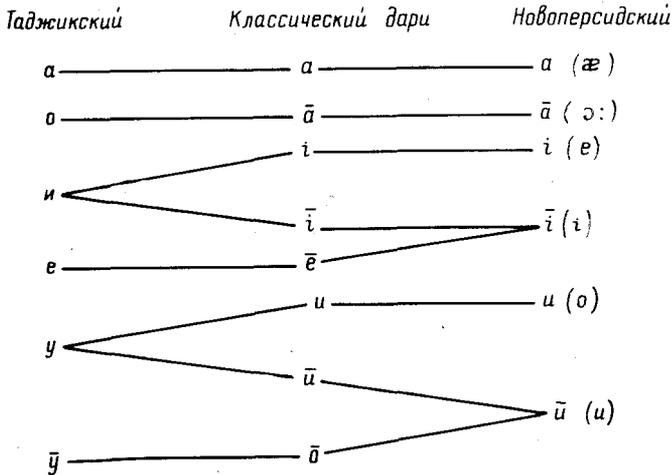
Близкородственны таджикский и новоперсидский языки; известен и их общий источник — классический дари; это позволяет вывести таджикскую и новоперсидскую системы гласных и объяснить их возникновение устранением дифференциального элемента длительности для таджикского вокализма и устранением дифференциального элемента компактности для ново-

² Как известно, А. Мейе требовал для доказательности звукового закона наличия не менее трех примеров.

³ См. об этом, например: Г. А. К л и м о в, Вопросы методики сравнительно-генетических исследований, Л., 1971.

⁴ W. L. M a g n u s s o n, Complementary distributions among the root patterns of Proto-Indo-European, «Linguistics», 34, 1967.

персидского вокализма, в связь с чем можно поставить большую «ассибиллируемость» новоперсидских заднеязычных в сравнении с таджикскими:

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рассмотренные изменения фонологических систем связаны с закономерным «исчезновением» или «возникновением» того или иного дифференциального элемента. Скорее всего, в данном случае происходит переход дифференциального элемента с суперсегментного на сегментный уровень или наоборот. Иначе говоря, дифференциальный элемент выходит из фонемного пучка или же, напротив, входит в него. Это предположение позволяет установить связь между наличием свободных тонов и отсутствием следов звонких придыхательных в балто-славянских языках — в противоположность индоарийским. Греческий, германские и кафирские языки представляют в этом отношении промежуточные ступени: как на распределение тонов, так и на дистрибуцию согласных в них накладываются ограничения. Трансформация системы гласных в таджикском и персидском может быть связана с изменением фонетического облика слова, проявляющимся в ряде специальных ограничений и редуций.

Напротив, когда устанавливаются звуковые соответствия диатопического характера, связывающие заимствованные слова в одном языке со словами-источниками в другом языке, то случайность соприкосновения фонологических систем ведет к тому, что их соотношение несимметрично, часты соответствия нескольких (трех и более) фонем одного языка одной фонеме в другом языке. Так, тадж. [s] соответствует арабским *s, š, ṣ*, а индонезийск. *s* передает санскритские *s, ś, ṣ, c, ch*, и т. д. В терминах дифференциальных элементов здесь — произвольное устранение элемента, к тому же — без компенсации.

Для систем согласных алтайских языков, если их рассматривать с точки зрения системности соответствий, характерны две особенности. Центральная часть этих систем — смычные — не только структурно гомоморфны, но просто совпадают, это одни и те же *p, b, t, k, g, č, ž*⁵. Признаки генетической общности, как это часто бывает, таятся и в маргинальных явлениях: различие $*r^1$ и $*r^2$, устанавливаемое на основании тюркского материала, сохраняется в тунгусских сочетаниях согласных: $*r^1b > rb$, $*r^2b > lb$. Анализ маргинальных, реликтовых явлений, как известно, дает

⁵ Неясно, почему Г. Дёрфер полагает, что монг. *č* не имеет соответствия с тюркским, ср.: N. P o r r e, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, Tl. I — *Vergleichende Lautlehre*, Wiesbaden, 1960, стр. 25—26, 62—63.

особенно важные доказательства генетического родства. Здесь вслед за Дёрфером можно привести реликтовое мн. число на *-t* в тюркском (узб. *qul* «раб» ~ якут. *kulut* «слуга», *tegin* ~ *tegit* «принц», *alp* «герой» ~ *alpa-yut* «герои», аффиксы принадлежности в якутском — *-bi-t* «наш», *-yi-t* «ваш»), сравнимые с монг. *-d* и сев.-тунг. *-ti-(l)*. Непродуктивное *-n* (аффикс?) характерен для слов со значением частей тела в различных алтайских языках, восходя, возможно, к древнему значению сингулятива (ср. выше *tegi-n*): монг. *aman* «рот», *mörün* «плечо», *nirün* «спина»; эвен. *билэн* «запястье»; маньчж. *симэн* «лимфа», *шугин* «костный мозг», эвенк. *žalan* «сустав»; тюрк. *tapan* «подошва», *kötan* «зад», *bojun* «шея»⁶. Исключительно важна и столь характерная для алтайских языков черта, как тесная связь между согласным и количеством последующей гласной, указывающая на единство просодического строя праязыкового состояния.

Картина не меняется, если принимать три исходных ряда согласных по способу артикуляции; тогда различие между тунгусо-маньчжурскими и тюркскими языками сравнимо с различием между индийскими и иранскими языками. Еще более важно то, что в дальнейшем развитии алтайских согласных действуют одни и те же тенденции, достаточно характерные на фоне, например, индоевропейских языков. Для индоевропейских языков, как известно, на различных этапах их развития в разных языках проявляется тенденция к расщеплению гуттуральных на гуттуральные и на среднеязычные (под воздействием гласных). Для всех групп алтайских языков характерна совершенно иная, но притом единая тенденция: «отщепление» среднеязычных не от заднеязычных, а от переднеязычных, параллельное расщеплению заднеязычных на чисто заднеязычные (*k, g*) и увулярные (*q, ɣ*); этот процесс менее обычен для индоевропейских языков. Более частная тенденция, прослеживаемая, однако, во всех алтайских языках, — переход $p > f > h$. Подобный переход хотя и известен в ряде индоевропейских языков, но не может считаться характерной тенденцией их развития; к тому же в индоевропейских языках переход $> h$ нередко является судьбой не только одного из глухих спирантов. Могущие показаться типологическими, эти закономерности на самом деле имеют источниками своеобразный консонантизм в алтайском с его увулярным рядом, с одной стороны, и консонантизм в индоевропейском с несколькими гуттуральными рядами без увулярного, с другой; особенные для каждой семьи тенденции развития являются отношениями диахронического порядка, функциями, соединяющими свои фуктивы и тем самым отделяющими их от чужих.

Эти установленные алтаистами закономерности указывают на то, что основные звуковые законы, связывающие алтайские языки, имеют генетическое происхождение. Такие факты, как совпадение большого числа согласных в тюркском *j*, не могут служить аргументом против вывода о том, что данный процесс относится к позднему периоду, к внутренней истории тюркских языков и, возможно, объясняется индоевропейским, в первую очередь — иранским, субстратом.

Заключение о том, что генетическое родство в качестве неперемного условия подразумевает системный характер звуковых законов, установлено на материале индоевропейских языков, но, естественно, не вследствие их особенного характера, а лишь в силу их большей изученности, что и позволяет выводить общие закономерности для сравнительно-исторического языкознания в целом. При этом во многом совпадающие пратунгусско-маньчжурское, пратюркское и прамонгольское состояния оказываются в некоторых отношениях значительно ближе друг к другу, чем, например,

⁶ G. D ö r f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I—III, Wiesbaden, 1963—1967, s. v.

праиндоиранское и прагереческое, праславянское и прагерманское. Конечно, принцип закономерного соответствия не является единственным и всегда применимым. Наиболее ярко его действие проявляется при наличии в одном языке нескольких серий звуковых соответствий, из которых одна носит явственно выраженный генетический характер, другие же, несомненно, связывают определенные лексические пласты с источником заимствования. Самым же спорным является сдвиг артикуляции под влиянием субстрата; возможно, в этом случае на негенетические связи укажет неожиданное и незакономерное изменение распределения дифференциальных элементов, их исчезновение и т. п.

3. Индоевропейское языкознание достигло значительных успехов в своей *scientia etymologica*. Еще недавно Л. Шпитцер в своих знаменитых парадоксах указывал, что наилучший путь этимологизирования — воздержание от создания новых этимологий⁷. В настоящее время, особенно после этимологических разысканий Бейли и Фриска⁸, можно попытаться обобщить основные принципы в этой области: п е р в ы й ш а г — внутриязыковой (филологический, историко-лингвистический, морфологический и т. п.) анализ слова или другой рассматриваемой единицы — с целью подготовки достаточного основания для этимологического построения; в т о р о й ш а г — фонетическое переведение, перекодирование слова или другой единицы по звуковым законам — на родственные, часто более древние языки и поиски сконструированной единицы в сравниваемом языке⁹. Т р е т ь и й ш а г необходим в том случае, когда обнаружена фонетически соответствующая единица с отличающимся значением. Тогда — из-за отсутствия семантических законов, которые могли бы быть практически использованы — приходится обращаться за поддержкой к семантическим аналогиям, причем нередко приводятся различные типы изменения значения в языках, далеких от сравниваемых; более убедительны, однако, семантические закономерности, засвидетельствованные в кругу тех же сравниваемых языков¹⁰. На это же направлена методика выявления семантического потенциала, разработанная В. И. Цинциус: сперва исследуется спектр значений данного корневого гнезда, установленные семантические связи служат затем для этимологических выкладок на материале родственных языков¹¹. Ч е т в е р т ы й ш а г — проверка и подкрепление этимологического рисунка; приемы, применяемые для этой цели, показаны Ю. В. Откупщиковым и О. Семереньи¹².

Заметим, что в ряде случаев именно в работах Г. Дерфера¹³, несомненно, поднявшего строгостью своего метода сравнительно-историческое ал-

⁷ L. S p i t z e r, *Aus der Werkstatt des Etymologen*, «Jahrbuch für Philologie», I, 1925, стр. 129.

⁸ См.: R. E. E m m e r i c k, D. H. J o h n s o n, *Writings of N. W. Bailey*, BSOAS, XXXIII, 1970, стр. X—XIV; H. F r i s k, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, I—III, 1960—1971.

⁹ Этот шаг ведет либо к сопоставлению слова в одном языке со словом в другом языке, либо к реконструкции праформы, что является разновидностью того же перекодирования.

¹⁰ От этого шага практически отказывается Гатри (M. G u t h r i e, *Comparative Bantu*, I, London, 1967), который сравнивает лишь семантически совпадающие, но не семантически близкие единицы.

¹¹ В. И. Ц и н ц и у с, *Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков*, сб. «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1972, стр. 11—12.

¹² См.: Ю. В. О т к у п щ и к о в, *Из истории индоевропейского словообразования*, Л., 1967, стр. 192—224; О. С е м е р е н ь и, *Славянская этимология на индоевропейском фоне*, ВЯ, 1967, 4.

¹³ G. D ö g f e r, *Türkische und mongolische Elemente...*; в ряде случаев, однако, сам автор допускает неточные выражения: «irgendwie zusammenhängt» — о тюрк. *qaza* «доска» и *qazlı* «телега» или «merkwürdig ähnlich klingt» — о тюрк. *qul* «раб» и маньчж. *guli* «маньчжурский раб».

тайское языкознание на очень высокий уровень, проявляется чрезмерная осторожность. Так, сопоставление тюрк. *kelin* «невестка» и эвенк. *kali* «свояк» (№ 1700) объяснимо происхождением от общего термина для некровного родства, ср. лат. *adfinis* «породнившиеся посредством брака» ← «близкие»: здесь мы видим основание и для отнесения этих слов к $\sqrt{kel}$ «приходить». Тюрк. *sev-* «любить», монг. *seb*, эвенк. *sevjen* «радость, спокойствие» (№ 1319) соотносятся так же, как лат. *venus* «любовь» и др.-в.-нем. *wipna* «большая радость», др.-инд. *prīyate* «любить» и нем. *Freude* «радость», ирл. *cion* «любовь» и др.-инд. *canas-* «удовольствие»; требование не объединять этимологически именные и глагольные корни (т. е. тюркские глагольные и именные в других языках) предполагает невероятный консерватизм системы частей речи¹⁴. Столь же сводимы тюрк. *seki* «сидение, скамья» и ульч. *sekte* «расстилать», эвенк. *səktə* «ветка» (№ 1258; ср. и.-е. $\sqrt{ster}$ «расстилать», откуда авест. *stairiš-* «постель», лат. *stratum*, часто то же, или др.-греч. ὄσος, гот. *asts* «ветвь» < *o-[z]do-s от $\sqrt{sed-}$ «сидеть»); тюрк. *sā-* «считать» и тунг. *sā-* «знать» [ср. лат. *memor* «помнить» и тадж. *шумурдан* «считать» от и.-е. $\sqrt{(s)mer-}$; русск. *считать* родственно др.-инд. *śāyati*, др.-греч. τηρέω «наблюдать», др.-ирл. *adci* «разум»].

Конечно, этимологизирование может совершаться и как бы в нарушение приведенных «шагов», силой исследовательской интуиции; но логика исследования остается той же. В основе описанной процедуры лежат звуковые законы. Им, однако, не всегда должно рабски следовать: удачные сопоставления, сделанные даже в нарушение звуковых законов, способны иногда уточнять и дополнять их, ибо нарушимо лишь то, что принято в качестве нормы. Используя эти общеконпаративистские положения, можно обратиться к тезису Г. Дёрфера о том, что между разнообразием индоевропейских метеорологических терминов и разнообразием алтайских метеорологических терминов существует «коренное» различие, а именно: индоевропейские термины сводимы к общеиндоевропейским корням, в то время как для алтайских терминов это, по его мнению, невыполнимо.

Ниже предлагается ряд кратких этимологий, имеющих целью показать, что алтайские термины в этом отношении не отличаются от индоевропейских. Предлагаемые этимологии во многом предварительны: сравнивается лишь тюркский с тунгусско-маньчжурским — наиболее далекие группы¹⁵. Семантические обоснования приводятся из индоевропейской области — они служат лишь для аналогического подкрепления.

1) Эвенк. *nūltan* «солнце» (аянский говор) сопоставимо с др.-тюрк. *jūlqa*, *jūla* «факел», *julduz* «звезда». Связь рассматриваемого слова с глаголом *jū-* «выходить» может указывать на первичность значений «солнце», «звезда» и на вторичный характер значений типа «греть». Сходная связь значений предполагается для другого слова с тем же значением: уже Г. Рамстедт¹⁶ сравнивает эвенк. *dilačā* с др.-тюрк. *jilū-* «согреться» (воз-

¹⁴ Сравнительно прозрачный агглютинативный строй изучаемых языков, по-видимому, настораживает Г. Дёрфера при восстановлении «неочевидных» корней, хотя несомненно, что от ряда корней должны были остаться лишь их дериваты. Это делает вполне допустимым сопоставление казах. *qıyıl*, староузб. *qıyılın-* и монг. *qıyılja-* «быть возбужденным» (* $\sqrt{qōr-}$) или тюрк. *qızıl* «красный» и монг. *kiraya* «начало зари» или тюрк. *çal* «сероватый», монг. *çagān* «белый», эвенк. *çabbān* «береза» (* $\sqrt{çā-}$).

¹⁵ Формы приводятся по следующим работам: «Древнетюркский словарь», Л., 1969; В. И. Ц и н ц и у с. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949; Г. П. В а с и л е в и ч, Очерки диалектов эвенкийского языка, Л., 1948; М. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki, I — 1969, II — 1971.

¹⁶ G. J. R a m s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 42.

можно, с «солнцем» же связано др.-тюрк. *jil* «год»). Индоевропейская параллель: ирл. *grian* «солнце» < *greina - < и.-е. * $\sqrt{g^uher}$ - «гореть»/др.-инд. *ghramsā-*, брет. *groez* «солнечная жара». Для общеалтайского можно реконструировать два корня с близким значением * $\sqrt{dil^o}$ «греть(ся)»¹⁷ и * $\sqrt{jul^o}$ «сверкать». Их контаминация может объяснить такие формы, как эвенк. *dul-* «согреть». Третье эвенкийское слово для «солнца» — учурско-зейск. *sigun*, сымск. *siwun*, *sigun*, илимпийск. *higun*. В. И. Цинциус (устное сообщение) предлагает видеть в этом слове тот же корень, что и в эвенк. *hiē* ~ эвенк. *siyin-* «высовываться»; эта этимология подтверждается др.-тюрк. *siz-* «показываться над горизонтом» (о солнце)¹⁸. Возможно, в протоалтайском различно обозначались отдельные «фазы» солнца.

2) Эвенк. *ḥayḥa* «небо», эвенк. *nānin* «небо», «воздух», сопоставляемые с др.-тюрк. *jan* «свет, блеск, день»; здесь представлен тот же круг значений, что у и.-е. * $\sqrt{d̥iey}$ -. Древнетюркское слово считается заимствованием из китайского; но возможно и смешение китайского заимствования и исконного слова: в таком случае *jan* могло бы быть связанным с *janī* «новый».

3) Эвенк. *tigdā* «дождь», сол. *tegde* «идти дождю», эвенк. *tik-* «падать» [ср. эвенк. *tigdelēn*, орок. *tugdyle* «бревно, переброшенное (< упавшее) через ручей для перехода)], можно сравнить с др.-тюрк. *tög-* «толочь, молотить» *tuγ* «завал»; общеалтайский * $\sqrt{tik/g}$ - «падать, ронять». Связь глагола движения и имени со значением «дождь» известна в тюркском: *jaγ-* «приближаться» и *jaγtur* «дождь».

4) Эвенк. *tur* «земля», эвен. *tōr* «земля, место» содержит, вероятно, тот же корень, что и тюрк. *tur-* «стоять», ср. ср.-тюрк. *tura* «крепость» и т. п. Ср. др.-инд. *bhūmī* «земля» < * $\sqrt{bhū}$ - «быть» и * $\sqrt{sthā}$ - «стоять», который во многих языках выполняет функции вспомогательного глагола, близкого по значению к связке. Индоевропейский материал типологически подкрепляет предположение о связи значений «земля» ~ «находиться» ~ «стоять». Не относится ли эвенк. *turkū* «нарта» к тому же корню?

5) Маньчж. *tukə*, эвенк. *tū* «вода» фонетически сопоставимо с др.-тюрк. *buγra* «верблюд-производитель». Отдаленность значений с первого взгляда кажется парадоксальной. Для индоевропейского, однако, подобная связь не вызывает сомнений; Э. Бенвенист¹⁹ убедительно показал связь между следующими словами: авестийск. **varəšan-* «производитель» (из *maēša-varəšni-* «баран»), др.-инд. *vṛṣā* «муж, производитель» (< *semen emittens*), ср. *varṣa-dhara-* «кевнух» (< *semen retinens*); в более узком значении — лат. *verres* «кабан», литов. *vėršis* «теленок» и др.-инд. *varṣati* «идти (о дожде)»; др.-греч. ἐ(F)ῆρση «роса, влага; новорожденные ягнята» — они все возводятся к и.-е. * $\sqrt{uers}$ - «влага; дождь, роса», «семя».

Приведенные этимологические выкладки имели целью показать, что в области алтайских языков применима та же методика корневого анализа, как и для индоевропейских языков или любых других языков, исследуемых при помощи сравнительно-исторического метода. И для индоевропейских языков, как неоднократно доказывалось, основы с метеорологическим значением образованы от корней, не имеющих, естественно, такого значения, и поэтому они связаны с весьма различной лексикой.

4. Предложенное Г. Дёрфером различие «аналогического» и «гомологического» родства языков представляет переформулировку традици-

¹⁷ Обозначение *dil^o* (не *dil-*) сигнализирует о неясности морфемного шва.

¹⁸ Эта этимология указывала бы на актуальность детерминантного анализа для алтайского.

¹⁹ E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indo-européennes, 1—2, Paris, 1969.

онного противопоставления генетической и типологической близости, диахронических и диатопических отношений. С попыткой доказать, что алтайское единство является лишь типологическим, можно спорить. Рассмотрим один из наименее удачных способов антиалтаистической аргументации — доказательство «от противного», основывающееся на том, что признаки, объединяющие алтайские языки, якобы достаточны и для того, чтобы считать генетически родственными таджикский и узбекский языки²⁰. В действительности отношения между именно этими двумя языками исключительно сложны и требовали бы специального исследования — как исторического, так и лингвогеографического; чрезвычайно актуальной задачей остается сопоставительное изучение двуязычных памятников авторов-зуллисанайн. Обращаясь к пунктам, сформулированным Г. Дёрфером, необходимо указать на то, что факты интенсивных лексических заимствований в наиболее маргинальных говорах таджикского языка — типа касансайского — в общем нехарактерны для всех северных говоров в столь сильной степени. Приведенная им схема «падежных» соответствий в этих двух языках абстрактна, функционирование сопоставляемых форм не столь параллельно: ср., например, тадж. *-a < po* и узб. *-ни* и *-нинг*²¹. Самое трудное для сопоставительного анализа — глагол — автор оставляет в стороне, хотя именно глагол позволяет осветить таджикско-узбекские языковые отношения. Для системы глагола как таджикского, так и узбекского языка характерно наличие специфических грамматических категорий: 1) категории глагольной модификации; 2) категории определенности/неопределенности; 3) категории эвиденциала.

К а т е г о р и я г л а г о л н о й м о д и ф и к а ц и и выражается аналитическими формами, состоящими из отглагольного имени («деепричастия») и одного из полувспомогательных глаголов, образующих особый ряд: *гирифтан//олмоқ* «брать», *гаштан//юрмоқ* «двигаться», *додан//бермоқ* «давать», *шудан//бўлмоқ* «становиться», *истодан//турмоқ* «стоять», *рафтан//кетмоқ* «уходить», *шиштан//ўтирмоқ* «сидеть», *дидан//кўрмоқ* «видеть» и др.

Основная функция этой категории — определение отношения процесса или глагольного действия к другим процессам, их актантам и т. п. Эта категория отчасти подобна падежам, определяющим отношения актантов; ее аналитическое оформление в индоиранских языках²² хронологически совпадает со сложением новых падежных систем, ограниченных преимущественно синтаксическими отношениями. В тюркских языках здесь значительна вероятность иранского влияния; в древних индоевропейских языках существовала тенденция использования вспомогательных глаголов, хотя в основном данный круг значений выражался приставками, возникшими из наречий; для общеалтайского можно предполагать в качестве соответствующего грамматического средства скорее аффиксы. Но, несмотря на несомненные конвергентные процессы, приведшие к хотя и не полной, но весьма значительной изоморфности систем модификаторов в таджикском и узбекском, этимологически совершенно беспорны иранское и тюркское происхождение соответствующих модифицирующих глаголов: здесь существенное препятствие для «генетического» сближения.

К а т е г о р и я (г л а г о л н а я) о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и представлена как в таджикском [ср. *навишта истодаам* «я (сейчас) пишу», определенный имперфект *навишта истода*

²⁰ G. D o e r f e r, Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen, IF, 71, 1966.

²¹ Именно смещение этих последних форм в некоторых узбекских диалектах можно приписать иранскому влиянию.

²² K. S h. B a h I, A study in the transformational analysis of the Hindi verb, Chicago, 1964.

будам «я писал (когда...)»], так и в узбекском (ср. *ёзаялман*, *ёзаетган эдим* — те же значения); примечательно, что близкие по значению формы известны в индоевропейских языках атлантического ареала (например, в кельтских). Узбекская форма *ёз-моқ-да-ман* «я именно сейчас пишу, продолжаю писать», локативная по происхождению и длительно-определенная по значению, сопоставима с аналогичной формой в другом иранском языке среднеазиатского ареала — шугнанском: *wuz-um nivištow-and* (то же).

В связи с происхождением этих форм интересен и параллельный диахронический сдвиг в употреблении соответствующих глагольных форм в таджикском и узбекском: *мехонам* заменило *хонам*, а *ёзаман* «я пишу» — *ёзарман* («возможно) я напишу» в функции настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. В свою очередь *хонам* (сослагательное наклонение) и *ёзарман* (неопределенное будущее) сохранились. Это объясняет отсутствие таджикского эквивалента со значением неопределенного будущего.

К а т е г о р и я э в и д е н ц и а л а ²³ представлена грамматическими значениями повествовательности, субъективности; ср. тадж. *навиштаам* и узб. *ёзибман* «я, оказывается, написал».

Ко всем этим явлениям можно обращаться, лишь имея в виду, что тюркские языки с их развитым глаголом представляются ветвью алтайских языков ²⁴, сложившейся в процессе активного взаимодействия с индоевропейскими языками. Узбекский язык к тому же испытал сильное влияние иранского субстрата — он сформировался там, где раньше пользовались хорезмийским и дари, согдийским и сакским языками. В частности, для становления тюркского глагола важно учитывать, что в индоевропейских языках глагол со значением «стоять» * $\sqrt{sthā}$ - с древнейших пор используется как вспомогательный ²⁵. Особое развитие в этой функции он получил в иранских языках ²⁶. В хотаносакском языке были также грамматализованы глаголы со значением «сидеть», «лежать» ²⁷.

Таджикский язык занимает в рассматриваемой диахронической и диатопической перспективе особое место. Генетически он связан с классическим дари. Использование дари в роли культурного наддиалекта для обширной и лингвистически разнообразной территории обусловило своего рода его «грамматическую минимальность». При учете именно этой особенности становится понятным различие между современным узбекским, где эти категории структурно соотносимы с таджикскими, и староузбекским ²⁸, где они скорее могут быть сопоставимы с аналогичными грамматическими структурами в классическом дари. Ареально и типологически

²³ Об этой категории см.: R. J a k o b s o n, Shifters, verbal categories and the Russian verb, *Nagvard*, 1957. Для истории этой грамматической категории важно выявление соответствующих значений в английском языке [П. Д ж а м ш е д о в, Длительный вид глагола (сопоставительно-типологический анализ Present и Past Continuous с формами таджикского глагола), Душанбе, 1971] и открытие К. Гофмана, доказавшего существование этой категории в общиндоевропейском (К. H o f f m a n n, Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums, «Münchener sprachwissenschaftliche Studien», 28, 1970; е г о ж е, Der Injunktiv im Veda, Heidelberg, 1967).

²⁴ См. об этом: К. М е n g e s, The Turkic languages and peoples, Wiesbaden, 1968, стр. 57—58, 128.

²⁵ См. об этом: F. M o s s é, Histoire de la forme periphrastique être + participe présent en germanique, pt. I, Paris, 1938.

²⁶ Е. В е n v e n i s t e, Le verbe *sthā*- comme auxiliaire en {iranien, AO, XXX, 1966, стр. 45—49.

²⁷ Л. Г. Герценберг, Хотаносакский язык, М., 1965, стр. 117.

²⁸ Г. Ф. Б л а г о в а, О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в., сб. «Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика», М., 1960, стр. 33 и сл.

таджикский язык близок, прежде всего, к среднеиранским языкам Центральной Азии, а также к тюркским языкам, сложившимся под древне- и среднеиранским влиянием.

Данными фактами определяется значение тюркского адстрата в таджикском литературном языке и в его диалектах. Эти явления — закономерное следствие многотысячелетних контактов Ирана и Турана; они же показывают, что за большой типологической близостью, близостью «характерологической», стоят причины генетической природы: узбекский язык явился своего рода медиатором, передававшим различные характерные черты от среднеиранских языков таджикскому языку.

Заметим, что подобная интерференция характерна и для лексики. Так, в таджикском языке слово *алав*, *алов* «пламя» справедливо рассматривается как узбекское заимствование; это слово, действительно, представлено в различных тюркских языках; но старейшая тюркская лексикография определяла его как иранское заимствование. То, что об этом сообщает Махмуд Кашгарский, позволяет предполагать происхождение данного слова скорее из какого-то согдийского диалекта: согд. * θ' (θ') ω легко связать с $\sqrt{\theta aw}$ «гореть» (хорезм. $\theta'w$ -, язгул. $\theta\theta n$, шугн. θow , хот.-сак. *pa θ huta* < **pati- θ i-ta*-). Для этого корня, однако, не совсем ясны более глубокие связи: либо он представляет модификацию $\sqrt{tap}$ - «гореть», либо связан с др.-греч. $\theta\omega$ «совершать жертвоприношения». К этому же корню, по-видимому, относится *аланга* «пламя» (< **\acute{a}- θ av-ana-ka*-). Иранское происхождение вероятно и для многих других слов, таких, как *ўрмон* «лес» (< *var-man-, ср. авест., др.-инд. *urvarā*- «растение» или авест. *varəša*-, др.-инд. *vṛkṣa*- «дерево», а также и.-е. $\sqrt{uer(dh)}$ - «расти»), *kič* «маленький» (< **ka- θ yačī*-) и др. Одним из препятствий, стоящих на пути выявления иранского лексического пласта в узбекском, является недостаточность данных о хорезмийском языке.

Отношения таджикского и узбекского языков являют собой смешение генетических и типологических факторов. Если алтайские языки в отдаленнейшем прошлом обнаруживали такие же тенденции к сближению, как таджикский и узбекский в настоящем, вряд ли что-нибудь может препятствовать их анализу как родственных: индоевропейское праязыковое состояние, как это неоднократно предполагалось, также сложилось в результате взаимодействия нескольких источников. Общее же наследие как в алтайских, так и в индоевропейских языках заставляет восстанавливать не только процессы конвергенции, но и сохраняющуюся близость и единство, независимо от их предшествующей истории ²⁹.

²⁹ Приношу глубокую благодарность В. И. Цинциус, Т. И. Бугаевой, О. П. Сунику, Д. М. Насилову, принявшим участие в обсуждении рукописи этой статьи.